ФИЛИП К. ДИК

КОСМИЧЕСКИЕ МАРИОНЕТКИ

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д45

Philip K. Dick

THE COSMIC PUPPETS

Copyright © 1957 by A. A. Wynn, Inc.
Copyright renewed © 1985 by Laura Coelho,
Christopher Dick, and Isa Dick

Перевод с английского *Алексея Осипова*

Дизайн *Елены Куликовой*

Дик, Филип Киндред.

Д45 Космические марионетки / Филип К. Дик ; [перевод с английского А. Осипова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 256 с.

ISBN 978-5-04-243547-8

Следуя необъяснимому порыву, Тед Бартон возвращается в город, где когда-то родился. Но, приехав туда, он с ужасом обнаруживает, что идиллический городок его детства полностью изменился. Магазины и дома стали другими, а жителей Тед не узнает или не может вспомнить.

Тайна становится еще глубже, когда он обращается к городским историческим архивам и обнаруживает запись о… собственной смерти почти двадцать лет назад.

Пытаясь раскрыть секреты города, Бартон все глубже погружается в эту загадку и оказывается втянут в сверхъестественную битву, от которой может зависеть судьба всей Вселенной.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© А. Осипов, перевод на русский, 2027
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-243547-8

1

Питер триллинг мирно наблюдал, как другие дети возятся в пыли у крыльца, целиком поглощенные игрой.

Мэри усердно месила комья бурой глины и лепила из них нечто неопределенное. Нокс свирепо пыхтел и из сил выбивался, чтобы за ней угнаться. Дэйв и Уолтер уже покончили с работой и теперь наслаждались заслуженным отдыхом.

Наконец, Мэри взметнула черной гривой, выгнула, потягиваясь, худую спину и поставила наземь глиняную козочку.

— Видал? — требовательно вопросила она. — А где же твои?

Нокс повесил голову: его неуклюжим и медлительным лапищам никак не поспеть за бойкими девичьими пальчиками. А зловредная Мэри

уже смяла свою козу и принялась стремительно переделывать ее в коня.

— Вот, гляньте на моего, — невнятно пробурчал Нокс и, показав стоящий на хвосте неловкого вида аэроплан, сопроводил демонстрацию характерным звуком специально облизнутых губ. — Хорош, да?

— Дрянь твой самолет. Лучше на это посмотри, — фыркнул Дэйв и подпихнул вперед самолично изготовленную овцу — поближе к Уолтеровой собаке.

Питер молча следил за ними.

Тихо и отстраненно сидел он на нижней ступеньке, подняв коленки, сложив руки, влажно мерцая громадными темно-карими глазами. Песочного цвета взъерошенная копна падала, закрывая обширный лоб, оттеняя густо вызолоченные горячим июльским солнцем щеки.

Он был маленький, худенький, длиннорукий, с костлявой шеей и странной формы ушами. Говорил мало, зато любил сидеть молчком и наблюдать за другими.

— Это еще что такое? — недовольно осведомился Нокс.

— Корова! — Мэри придала окончательный лоск ногам и поставила скотину рядом с аэропланом.

Охваченный священным ужасом, Нокс обозрел корову и сокрушенно отодвинулся, прикрыв самолет ладошкой. Потом подумал и, оторвав его от земли, жалостно отправил в зенит.

Доктор Мид и миссис Триллинг вместе сошли по ступенькам пансиона.

Питер подвинулся, освобождая дорогу и старательно избегая встречи с докторской ногой, облаченной в синюю костюмную штанину в тонкую полоску и черный лаковый ботинок.

— Ну что ж, — весело обратился к дочери владелец ноги, глядя на золотые карманные часы. — Пора домой, в Тенистое.

— А можно я еще побуду? — Мэри встала, но с большой неохотой.

Доктор Мид с нежностью обнял ее за плечи:

— Шагом марш в машину, маленькая ты бродяга! — И повернулся обратно к миссис Триллинг, снова профессионал до кончиков ногтей. — Беспокоиться решительно не о чем. Скорее всего, это пыльца с ракитника — он как раз сейчас в самом цвету.

— Это вон те желтые штуки? — Миссис Триллинг в очередной раз промокнула текущие ручьем глаза; ее и без того пухлое лицо все раздулось и покраснело, а веки едва подымались. — В прошлом году ничего такого не было.

— Аллергия — штука странная, — неопределенно изрек доктор Мид и задумчиво пожевал пенек сигары. — Мэри, я велел тебе шагать в машину, что, непонятно?

Отворив водительскую дверь, он показал пример, с трудом втиснувшись за рулевое колесо.

— Если эти антигистамины не сработают, миссис Триллинг, звякните мне еще раз. Впрочем, я же, скорее всего, буду к вам сегодня на ужин.

Кивая и отчаянно расчесывая глаза, миссис Триллинг скрылась в доме, где ее ждала жаркая кухня и горы оставшейся от обеда посуды.

Мэри, сунув руки в карманы джинсов, мрачно потопала к отцовскому «универсалу».

— А доигрывать кто будет? — проворчала она сквозь зубы.

— Я доиграю. — Питер спорхнул со своего насеста и, подцепив ком отвергнутой ею глины, принялся деловито его разминать.

Кипящее летнее солнце водопадами рушилось на раскиданные по холмам фермы, на акры густых кустарников, из которых там и сям горделиво торчали кедры, тополя и лавры. А, и, конечно, сосны!

Машина выкатилась помаленьку из округа Патрик и продвигалась теперь к Кэрролу и маячившему вдалеке набалдашнику горы Бимерз Ноб. Дорога, надо сказать, была в прескверном состоянии. Лощеный желтый «паккард» кашлял, взбираясь на крутые Виргинские всхолмья, и сомневался на каждом шагу.

— Тед, поехали уже назад! — простонала Пегги Бартон. — В меня больше не лезет.

Согнувшись в три погибели, она принялась шарить за сиденьем в поисках банки пива. Банка нашлась — но теплая. Пегги швырнула ее обратно в сумку и, надувшись, привалилась к двери — руки грозно скрещены на груди, щеки усеяны бисеринами пота.

— Да погоди ты, — проворчал Тед Бартон.

Опустив стекло, он вывесился наружу, насколько мог; на лице его застыло не то что взволнованное, а прямо-таки восторженное выражение. Пожелания жены не произвели на него ни малейшего впечатления: все внимание занимала убегающая вдаль дорога — и то, куда она убегала. Что там, вон за теми холмами?

— Уже недалеко осталось, — утешительно добавил он через минуту.

— Черт бы тебя подрал с твоим долбаным городом!

— Интересно, как он сейчас выглядит? Понимаешь, Пег, как-никак восемнадцать лет прошло. Мне всего девять стукнуло, когда наши в Ричмонд перебрались. Наверняка меня там уже никто не помнит… Или вдруг да? Старуха мисс Бейнс — она нас в школе учила. Или вот еще садовник чернокожий был, за нашим участком смотрел. И доктор Долан. И еще всякие люди, другие.

— Да уже небось перемерли все.

Пег с трудом выпрямилась и брюзгливо оттянула промокший воротник блузы. Темные волосы влажно прилипли к шее; прозрачные капли скатывались по бледной коже за вырез, на грудь. Туфли она давно скинула и чулки вместе с ними; рукава — закатала. Юбка успела измяться и вся порыжела от дорожной пыли. По салону с раздраженным жужжанием сновали мухи. Одна имела неосторожность приземлиться на потную руку и заработала яростный шлепок.

— Что за адский способ провести отпуск! С тем же успехом можно было остаться страдать в Нью-Йорке. Там хотя бы выпивка не переводится.

Высоты впереди резко повысились. «Паккард» попробовал было заглохнуть, но Бартон скинул скорость, и автомобиль, ругаясь, попыхтел дальше.

Горизонт усеяли циклопические пики — близились Аппалачи. Бартон в священном ужасе созерцал надвигающиеся леса и горы — все старые знакомые виды, холмы, и долины, и повороты, которые он уже и не чаял увидеть снова.

— Миллгейт расположен в чаше небольшой долины, — негромко сообщил он. — Со всех сторон окруженной горами. Туда ведет одна только эта дорога… если только они не построили еще, пока меня не было. Это совсем маленький город, котик. Сонный и тривиальный, как сотни других ему подобных. Два хозяйственных, аптеки, кузница…

— Бары хоть есть? Ну, *пожалуйста*, скажи, что там есть приличный бар!

— …Населения несколько тысяч человек, не больше. Сюда мало кто ездит. А вот фермы вокруг не особо хорошие, скажу я тебе: почва слишком каменистая. Зимой снег, а летом жарко, как в аду.

— Тед, я не шучу, — выдавила Пег, бледнея всеми своими только что помидорно-алыми щеками… а вокруг губ так и прямо зеленея! — Тед, меня укачало! Тед, меня сейчас, кажется, вырвет…

— Мы уже скоро будем на месте, — рассеянно успокоил ее муж и, высунувшись еще дальше в окно, попытался рассмотреть расти-

лающийся впереди пейзаж. — Ей-богу, это же *та самая* старая ферма! Я ее помню! И вот этот проселок!

Он свернул с трассы на дорогу поменьше.

— Смотри, только вон ту гряду перевалим, и мы, считай, на месте!

«Паккард», приободрившись, газанул и заскакал меж высохших полей и провалившихся изгородей. Проселок лежал весь растрескан-ный, заросший жухлой травой, в выбоинах — вдобавок узкий и с резкими поворотами. Бартон втянулся на всякий случай в салон.

— Я знал… я знал, что сумею найти дорогу домой! — Порывшись в кармане пиджака, он вытащил свой счастливый компас. — Он привел меня назад, Пег! Папа подарил мне его на восемь лет — купил в ювелирном у Берга, что на Центральной улице. Он там, кстати, вообще единственный. На него всегда можно положиться, на компас! Я всегда таскал его с собой и…

— Я в курсе, — устало перебила его Пег. — Я все это уже миллион раз слышала.

Бартон с нежностью спрятал серебряного малютку обратно, вцепился в руль и, не мигая, уставился вдаль: казалось, с каждым приближавшим их к Миллгейту ярдом волнение в нем лишь прибывало.

— Я ведь каждый дюйм этой дороги знаю, Пег! Слушай, Пег, я помню, как-то раз…

— Еще б ты не помнил! Бог мой, вот бы ты *забыл* хоть что-нибудь! Мне уже обрыдло слушать все подробности твоего детства, все эти милые славные фактики из жизни Миллгейта, штат Виргиния… Еще немного, и я, ей-богу, закричу!

Дорога заложила крутую дугу — и нырнула в густой теневой фронт. Держа ногу на тормозе, Бартон наставил нос «паккарда» вниз и приступил к спуску.

— Вон и она, — нежно промурлыкал он. — Гляди!

Внизу, утопая в лазурной полуденной дымке, раскинулась маленькая долина.

Вокруг темной зелени вьется черная лента реки. Паутина грунтовых дорог. Домики, домики… к центру — гуще. Миллгейт как он есть: водяные врата. Суровые горы громоздятся бортами, окружая чашу долины со всех сторон. Сердце Бартона застучало глуше в мучительном волнении.

Его город… где он был рожден, воспитан, где пролетело детство. Он даже и не ждал снова его увидеть. Они с Пег просто ехали себе через Балтимор, проводили отпуск — идея пришла внезапно. Взяли наскоро через Ричмонд. Увидеть его еще хоть разок, посмотреть, как там все изменилось…

А Миллгейт уже рос впереди: купы пыльно-бурых домишек и лавчонок окаймляют улицы. Вывески. Заправочная станция. Кафешки. Пара придорожных гостиниц, на парковках сгрудились машины. *Пиво «Золотое сияние»*.

«Паккард» миновал аптеку, потом крайне неухоженное почтовое отделение и внезапно оказался уже в центре городка.

Переулки. Старые домики. Запаркованные автомобили. Бары, дешевые отельчики. Люди бредут себе медленно куда-то. Фермеры. Хозяева магазинов — их видно по белым рубашкам. Чайная. Мебельный. Два продуктовых. Большой базар — фрукты и овощи, а как же.

Бартон притормозил у светофора, свернул на поперечную улочку и миновал здание начальной школы, совсем небольшое. Детишки играют в баскетбол на пыльной лужайке. Еще домики — но уже лучше качеством и размером побольше. Толстуха средних лет старательно поливает сад. Лошади, несколько сразу.

— Ну? — подала голос Пег. — Скажи уже что-нибудь. Как он тебе на этот раз?

Бартон не ответил.

Он сжал руль одной рукой и снова высунулся в окно; лицо его было пусто. На следующем же перекрестке он свернул направо, потом еще

раз и выехал опять на главную улицу. Мига не прошло, как машина уже катила в обратную сторону мимо аптек, баров, кафе и заправок.

Бартон по-прежнему не отвечал.

Пег стало не по себе. Что-то в лице мужа положительно ее пугало. Такого выражения она там, откровенно говоря, никогда раньше не видела.

— Да что случилось-то? — не выдержала она. — Что, все настолько изменилось? Ничего знакомого не осталось?

Мужнины губы шевельнулись.

— Это должен быть он, — вязко выговорили они. — Я свернул в правильном месте… Я помню гряду и холмы…

Пег схватила его за локоть.

— Тед, ради бога, в чем дело?!

Его физиономию будто вылепили из воска.

— Я никогда раньше не видел этого города, — хрипло, едва слышно пробормотал он. — Тут все совершенно другое.

Он повернулся к жене — ошарашенный, перепуганный.

— Это не тот Миллгейт, который я помню. Не тот город, где я вырос!

2

Бартон заглушил машину.

Трясущимися руками он толкнул дверь и выскочил на пылающий тротуар.

Ничего знакомого. Все странное, чужое. Город — да, но не Миллгейт, который он знал и помнил. Он *чувствовал* эту разницу. И нет, здесь он никогда раньше не бывал.

Скобяной магазин рядом с баром. Старое, прямо-таки древнее деревянное здание, покосившееся, осевшее, с облупившейся желтой краской. Даже отсюда он различал затененный интерьер — лошадиные сбруи, всякое сельскохозяйственное оборудование, инструменты, жестянки с краской, выцветшие календари на стенах. За засиженным мухами стеклом — выставка удобрений и химических аэрозолей. Кучки мертвых насекомых по

углам. Паутина. Покоробленные картонные вывески.

Старый магазин… старый, как сама преисподняя.

Он потянул на себя затянутую ржавой сеткой дверь и вошел.

Высохший старичок восседал за прилавком на колченогом табурете — прятался в тени, будто какой-то сморщенный паук. Очочки в металлической оправе, безрукавка, подтяжки. Кругом скопище бумажек и карандашных огрызков.

Тут было темно и прохладно — и невероятно замусорено. Бартон продрался через штабеля пыльных товаров народного потребления и приблизился к хозяину этого ада; сердце у него колотилось быстро и тяжело.

— Послушайте… — прокаркал он.

Старичок близоруко прищурился на него:

— Желаете что-нибудь?

— Сколько вы уже тут?

— Вы о чем? — приподнялась пегая бровь.

— Этот магазин! Это место! Сколько вы уже здесь?

Владелец помолчал пару секунд, потом воздел узловатую руку и ткнул в табличку на древней латунной кассе. «1927», — сообщила та.